
Я. С. ЛУРЬЕ

«Мировые сюжеты» средневековой беллетристики в русской и южнославянских литературах («Александрия» и «Стефанит и Ихнилат»)

Развитие так называемых «мировых сюжетов»¹ в русской и южнославянских литературах средневековья не было, поскольку мы знаем, предметом специальных исследований литературоведов. Известные западноевропейским литературам, эти сюжеты развивались на греческой и особенно на южнославянской и русской почве самостоятельными путями; тем более заслуживают внимания те черты сходства и различия с западными версиями, которые в них могут быть отмечены.

В настоящей работе мы будем разбирать два таких сюжета. Оба они, по всей видимости, пришли к южным славянам от греков; оба затем проникли на Русь и стали весьма популярны в русской письменности. Речь идет о романической биографии Александра Македонского (так называемой сербской Александрии) и о басенном цикле «Стефанит и Ихнилат». В основе Александрии лежал позднеэллинистический памятник — «Деяния Александра» Псевдокаллисфена; в основе «Стефанита и Ихнилата» — арабская «Калила и Димна» (в свою очередь восходящая к индо-персидскому оригиналу). Оба эти источника получили широкое развитие и на латинском Западе — на основе Псевдокаллисфена возникли многочисленные западные «Истории Александра Великого», на основе «Калилы и Димны» (или «басен Бидпая», как их часто именовали) — латинское «Наставление человеческой жизни» и его национальные переводы. Чем же отличались славянские версии этих сюжетов от их западных версий? Чем объяснялось сходство и различие между ними? В дальнейшем изложении мы попытаемся разобраться и частично осветить эти вопросы.

Так называемая сербская (точнее — среднегреческая) Александрия, популярная не только у греков и славян, но и в румынской письменности, отличается от многочисленных средневековых «саг об Александре» рядом

¹ Термин «мировые сюжеты» мы употребляем здесь в том смысле, в каком он обычно применяется в сравнительно-исторических исследованиях (например, у А. Н. Веселовского), не разграничивая понятий «фабулы» и «сюжета» (ср.: А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 500; П. Михайлов. Фабула. — В кн.: Литературная энциклопедия, т. XI. М., 1939, стлб. 640—641; В. В. Кожин. Сюжет, фабула, композиция. — В кн.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. М., 1964, стр. 423—424). Вероятно, с точки зрения поэтики следовало бы разграничить «мировые фабулы» (темы) и «мировые сюжеты» (сходные типы разработки функциональных элементов фабулы).

своеобразных черт. Многие из этих черт были уже отмечены в классическом исследовании А. Н. Веселовского о сербской Александрии.² Сербская Александрия еще менее исторична, чем Псевдокаллистен. Александр здесь завоевывает Афины и Рим, посещает Трою и Иерусалим; он оказывается сторонником единобожия, почти христианином; особое место в связи с этим обретает тема загробной судьбы царя; Александр посещает пещеру мертвых и встречается там со своими бывшими противниками — Дарием и Пором, предрекающими своему победителю такую же участь.³ Своеобразным мотивом сербской Александрии (не рассмотренным в исследовании Веселовского) является тема любви Александра и Роксаны: после смерти мужа Роксана закалывается над его гробом; их хоронят на едином «столпе» в двух ковчегах — «и даже до сего дни стоит сей столп».⁴

Каково происхождение этих своеобразных черт греко-славянского романа об Александре? А. Н. Веселовский, специально занимавшийся этим вопросом, отметил, что некоторые из перечисленных мотивов — поход Александра на Рим и Иерусалим, посещение пещеры мертвых — встречаются наряду с сербской Александрией также в одной из поздних редакций Псевдокаллистена, которую он называл редакцией С, а более поздние исследователи — редакцией γ.⁵

Изучение источников греко-славянского романа об Александре несомненно может быть еще продолжено. Редакция γ (С) Псевдокаллистена не была непосредственным оригиналом этого романа — А. Н. Веселовский склонен был считать более вероятным, что редакция эта восходила к общему источнику с сербской Александрией.⁶ В недавнее время среди рукописей Бодлеанской библиотеки в Оксфорде была обнаружена еще одна редакция Псевдокаллистена (редакция ε), стоящая ближе к сербской Александрии, чем все до сих пор известные. Публикация редакции (она готовится к изданию И. Трумпфом) сможет пролить новый свет на происхождение греко-славянского романа об Александре.⁷ Было бы особенно важно найти источник обнаруженных А. Н. Веселовским романских элементов в языке и сюжете Александрии.⁸ Заслуживает

² См.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. I, Греко-византийский период. СПб., 1886 (СОЛЯС, т. XV, № 2), стр. 129—511. Ср.: M. Murko. Über Werke okzidentaler Herkunft in mittelalterlichen Literatur des Süd-slaven. 2-me Congrès international des études byzantines. Comptes-rendu. Belgrad. 1929, стр. 150—152. В недавно изданной работе X. Ван дер Берк (Ch. van der Berk. Wo entstand die sogenannte Serbische Redaktion des Alexanderromans? — Opera slavica, IV, Slavistische Studien zum V. Internationalen Slawistenkongress in Sofia, 1963. Göttingen, 1963) ограничивается сведениями о двух поздних списках (по-видимому, русском и южнославянском) сербской Александрии, но не учитывает работы А. Н. Веселовского и богатой традиции памятника (даже в опубликованном виде).

³ См.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.—Л., 1965, стр. 17—21, 25—27, 57—58. Ср.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. I, стр. 179—196, 202—209, 331—363, 400—402.

⁴ Александрия, стр. 38—40 и 70—71; ср. там же, стр. 147.

⁵ Die griechische Alexanderroman. Rezension γ, В. I—II. Meisenheim am Glan, 1962—1963. Ср.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. I, стр. 186—187, 219—224, 395—396; K. Merkelbach. Die Quellen des griechischen Alexanderromans. München, 1954, стр. 175—179, ср. стр. 64; H. I. Gleixner. Das Alexanderbild der Byzantiner. Inaugural-Dissertation. München, 1961 (ротопринт), стр. 64.

⁶ См.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. I, стр. 444.

⁷ См.: H. I. Gleixner. Das Alexanderbild der Byzantiner, стр. 66. J. Trumppf. Zur Überlieferung des mittellgriechischen Prosa-Alexander... — Byzantinische Zeitschrift, В. 60, H. 1, 1967, стр. 4.

⁸ См.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. I, стр. 444—450.

также внимания параллельность двух рассказов о верных женах в сербской Александрии, истории возлюбленной Ахилла Поликсены, включенной в эпизод посещения Александром Трои,⁹ и совершенно неизвестной по другим источникам истории о верности Роксаны. Не восходили ли эти два сходных рассказа к одному источнику — какому-либо сказанию о «добрых женах?»¹⁰

Если происхождение ряда своеобразных черт сербской Александрии неясно, то гораздо более понятна их литературная функция. Западные Александрии, восходившие, как и греко-славянский роман, к Псевдокаллистену, не воспевали верной любви Александра и Роксаны, не рассказывали они и о посещении Александром загробного царства; но оба этих мотива — в составе иных сюжетов — были отлично известны западной средневековой беллетристике.

Хождение в царство мертвых было чрезвычайно популярной темой уже в античной литературе — оно описывалось, например, в «Одиссее», в «Энеиде», у Овидия и других авторов. Мотив посещения загробного царства (ада) получил еще большее распространение в христианских легендах средневековья и прежде всего в таких апокрифических памятниках, как «Хождение богородицы по мукам» и «Видение апостола Павла». Оба эги апокрифа уже в XI—XII вв. появились у греков и южных славян; не позднее XIV в. они проникли и в русскую письменность.¹¹ Но рассказ о путешествии Александра в загробное царство мало походил на эти христианские легенды: там путешествие в ад совершали богородица, архангел Михаил или апостол Павел; главным содержанием рассказа было описание адских мук и рассказ о милосердии Пречистой; здесь в царство мертвых спускался смертный человек, встречавший таких же смертных людей, как он сам, и расстававшийся с ними с тем, чтобы когда-нибудь снова прийти к мертвым — уже навсегда. Обитатели пещеры мертвых в Александрии — это не абстрактные грешники, а реальные люди, знакомые герою романа, — судьба их поэтому особенно интересна для читателя.

Все эти черты существенно отличали рассказ Александрии от греко-славянских «Хождений»¹². Они сближали его зато с рядом западных легенд, где герои также были смертными людьми, посещающими царство

⁹ См. Приписка о Александру Великом у старой сербской книжности Критички текст и расправа од Ст Новаковића II отдельне гласника Спрског ученог друштва књѣ IX, Београд, 1878, стр 39, Александрия, стр 23. О возлюбленной Ахилла Поликсене повествовал популярный в средние века фантастический «Дневник» Диктиса (Dictys Cretensis Ephemeridos belli Troiani libri Herausgeg W Eisenhut, Leipzig, 1958, III, 2 и сл.), но мотив верности Поликсены Ахиллу известен только по житию Аполлония Тианского, написанному Филостратом (А Н Веселовский. Из истории романа и повести, вып II, Славяно-романский отдел — СОРЯС, т XLIV, № 3, СПб, 1888, стр 89).

¹⁰ К сожалению, единственный известный нам греческий памятник XVI в. такого характера — «История о добрых и злых женах» Ц Вентрамоса (изд В Кнос — «Ελληνικά», т 14, 1955, I, стр 123—157) — среди «добрых жен» упоминает только христианских святых.

¹¹ См. Н К Бокадоров. Легенда о хождении богородицы по мукам — Изборник Киевский, посвященный Т Д Флоринскому, Киев, 1904, стр 41—81.

¹² Некоторую аналогию к сцене посещения Александром ада представляют несколько назидательных легенд о посещении ада, где люди видят свою будущую судьбу или судьбу своих близких (ср. Памятники старинной русской литературы, вып 1 СПб, 1860, стр 99—110). Мы оставляем здесь в стороне пародийное решение темы «хождения в ад», данное (вслед за Аристофаном и Луккианом) в анонимном диалоге XII в. «Тимарион» (ср. Византийский временник, т VI, М, 1956, стр 357—386).

мертвых,¹³ и с памятником, как бы подведшим итог всей этой средневековой литературе — с «Адом» Данте. Речь идет, конечно, не о какой-либо генетической связи или литературном средстве скромного эпизода рассказа из Александрии с «Божественной комедией» — сходными в данном случае являются лишь некоторые темы и сюжетные мотивы, характерные именно для эпохи Предвозрождения. И безвестный автор Александрии и Данте соединили христианское мировоззрение с глубоким почитанием античной культуры: христианизированный Александр в романе завидует троянским героям из-за того, что они воспеты Гомером;¹⁴ Данте гордится быть причисленным к сонму поэтов древности, возглавляемому Гомером, хотя и помещает этих поэтов в первом круге ада. Отсюда и сходные мотивы при изображении царства мертвых: введение античных персонажей в мир христианской легенды; восприятие загробных мук не только как справедливого возмездия за грехи, но и как трагедии, вызывающей сострадание читателя. В Александрии этот мотив был связан с основной темой романа: темой трагической обреченности ее храброго и великодушного, но лишенного христианской благодати героя.

Тема героев-возлюбленных, умерших и похороненных вместе, также знакома мировой литературе со времен античности. В «Дневнике» Диктиса вслед за своим любимым, хотя и неверным супругом Парисом погибает его первая жена Энона; их хоронят вместе;¹⁵ вместе умирают и превращаются в деревья верные супруги Филемон и Бавкида в «Метаморфозах» Овидия.¹⁶ Важную роль играл этот мотив в кельтском фольклоре — он отразился, например, в нескольких ирландских сагах.¹⁷ Но наиболее популярным мотив одновременной смерти и совместного погребения стал благодаря прославленному памятнику средневековой литературы, восходившему к этому же кельтскому сказанию, — французскому роману о Тристане и Исольде.¹⁸ Византийские писатели не разрабатывали такой темы (хотя и могли ее знать по «Дневнику» Диктиса) — поздневизантийские романы о любви кончались обычно не трагической гибелью любовников, а их счастливым браком. Еще менее была знакома эта тема южнославянским и восточнославянским литературам: хотя повесть «о славном рыцэры Трысчане», судя по белорусскому переводу XVI в., фигурировала среди «книг сэрбских» (в южнославянских списках она не обнаружена), но гибели обоих любовников этот вариант, в отличие от своего западного источника, не знал: он кончался тем, что «Ижота», с разрешения короля Марка, приезжала лечить раненого

¹³ Ср.: А. Н. Веселовский. Данте и символическая поэзия католичества — Вестник Европы, 1866, т. IV (декабрь), стр. 169—190.

¹⁴ Прпозетка о Александру Великом у старој српској књижевности, стр. 40—41.

¹⁵ См.: Dictys Cretensis Ephemeridos Belli Troiani libri, IV, 21.

¹⁶ См.: Ovidii Nasoni Metamorphoseon, VIII, 709—720 (Овидий. Метаморфозы. Перевод С. Шервинского, М., 1938, стр. 97).

¹⁷ См.: Stith Thompson. Motif Index of Folk Literature, vol. I—VI. Copenhagen, 1955—1958, мотивы T 86 и P 214. 1; Ирландские саги. Перевод и комментарии А. А. Смирнова, Л., 1929, стр. 75—80 и 278—280. Ср.: А. А. Смирнов. Роман о Тристане и Исольде по кельтским источникам. — Сб. «Тристан и Исольда» (Труды Института языка и мышления, II), Л., 1939, стр. 20—21, 26—27 и 29.

¹⁸ См.: А. А. Смирнов. Роман о Тристане и Исольде по кельтским источникам, стр. 17—36. Вопрос о кельтских основах «Тристана и Исольды» (вызывавший длительные споры в литературоведении) наиболее разработан в исследованиях: G. Schoerperle. Tristan and Isolt, t. I—II. Frankfurt a. Mein—London, 1913; R. Thurneysen. Eine irische Parallele zu Tristan-Sage. — Ztschr. f. rominische Philologie, X/III, H. 4, 1923.

«Трыщана», — «и не вем, если с тых ран выздоровел, або так вмер. Потуль о нем писано».¹⁹

Рассказ о любви и смерти Александра и Роксаны восполнял, таким образом, важный пробел в литературе южных и восточных славян, внося в нее мотив, весьма популярный в мировой литературе средневековья. В древнерусской литературе (где тема любви играла вообще чрезвычайно скромную роль) конец Александрии находит неожиданную параллель в памятнике, формально относящемся к житийному жанру, — в «Повести о Петре и Февронии». Мирная супружеская любовь муромских князей-святых Петра и Февронии, конечно, очень мало похожа на преодолевавшую все препятствия незаконную страсть Тристана и Изольды (хотя начинается их знакомство при сходных обстоятельствах);²⁰ скорее она напоминает верную любовь Филемона и Бавкиды. Достигшие почтенного возраста, успевшие перед смертью облечься в монашеские ризы, Петр и Феврония не похожи и на молодых супругов Александра и Роксану. Но умирают они тоже вместе, и неоднократные попытки «людей неразумных» нарушить последнюю волю Петра и Февронии и похоронить их в «особных» гробах ни к чему не приводят — тела их вновь и вновь оказываются «в едином гробе».²¹

* * *

История возникновения греко-славянского «Стефанита и Ихнилата» более ясна для исследователей, чем история грекославянского романа об Александре.²² Греческий перевод арабской «Калилы и Димны», приписываемый в ряде рукописей Симеону Сифу (Сету), служившему при дворе византийских императоров, относится к XI в. Однако изменения, которые были внесены в текст книги при этом переводе, и различия между греко-славянской версией и западным «Наставлением человеческой жизни», восходящим (через еврейский и латинский переводы) к тому же арабскому источнику, недостаточно учтены в научной литературе. Греко-славянский «Стефанит и Ихнилат» сопоставлялся с арабской «Калилой и Димной» лишь в той мере, в какой это было необходимо для выяснения истории греческого текста. В некоторых греческих списках читаются все те главы, какие есть в «Калиле и Димне» (15 глав); в других — только главы I—VII и IX. Л. Шёберг, последний исследователь, занимавшийся историей текста памятника, пришел к выводу, что первоначальной является краткая редакция «Стефанита и Ихнилата» (редакция А), а затем уже она была пополнена другими главами; на основе краткой редакции был сделан (в XIII в.) и южно-славянский перевод.²³

Чем же отличается греко-славянский «Стефанит и Ихнилат» от своего оригинала (и его западной версии) по своему литературному построению? Басенный цикл «Стефанит и Ихнилат» представлял собой так называемую «обрамленную повесть»: ряд отдельных басен был вставлен

¹⁹ А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. II, Приложение, стр. 127; ср. выше, исследование, стр. 193—194, 209, 227—228.

²⁰ Так же, как Изольда с Тристаном, Феврония знакомится с Петром, излечивая его от струпьев и язв, полученных в борьбе со змеем (см.: Повесть о Петре и Февронии. — Русские повести XV—XVI вв., М.—Л., 1958, стр. 110—112).

²¹ Русские повести XV—XVI вв., стр. 115.

²² Последнее издание греческого текста см.: L.-O. Sjöberg. Stephanites u. Ichni-lates. Überlieferungsgeschichte u. Text (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Graeca Upsaliensia, 2). Upsala, 1962, стр. 151—244 (далее цитируем: S.—I., глава и раздел по этому изданию). О Симеоне Сете см. вводное исследование на стр. 87—99.

²³ См.: S.—I., стр. 59—60 (предисловие Л. Шёберга).

здесь в рамках единого сюжета — поучений мудреца индийскому царю и его детям. Такую форму имел этот памятник еще в своем первоначальном индийском варианте, известном нам по «Панчатантре»: каждая из пяти книг «Панчатантры», представляя собой отдельный рассказ мудреца (брахмана), в свою очередь служила рамкой для небольших басен или притч. Но, как это часто бывало в истории обрамленной повести, «рамка» здесь вступала в своеобразную борьбу с отдельными притчами цикла: иногда притчи вытесняли «рамку», превращая цикл в простой сборник новелл; иногда «рамка», наоборот, расширялась и становилась основным сюжетом, а новеллы превращались в отдельные и необязательные моменты повествования.

В истории арабской, а затем греко-славянской версии цикла мы наблюдаем оба процесса, но с преобладанием второго из них. Общая «рамка» цикла — разговор царя с мудрецом — не имела большого значения для этих версий; но первый из рассказов индийского пятикнижия — о льве, быке и двух шакалах, — стал зато главной частью, в сущности, основой цикла. Уже в арабской версии рассказ о коварном шакале Димне, поссорившем льва с быком, был дополнен еще одним, совершенно новым рассказом о суде над Димной и его казни: весь цикл по именам шакалов получил наименование «Калилы и Димны» (хотя после казни Димны история шакалов заканчивалась, и далее следовали совсем другие рассказы). Такую же важнейшую роль продолжала играть история двух шакалов в греческом варианте — имена их (неправильно переведенные как «Стефанит и Ихнилат») и здесь дали имя всему циклу; первый «рамочный» рассказ потеснил другие «рамочные» рассказы (в греческой редакции А и ее славянском переводе часть из них, как мы уже отметили, не была включена в книгу) и стал явно преобладать над вставными новеллами-притчами.

Уменьшение общего размера цикла и сокращение числа вставных новелл — главная особенность греко-славянского «Стефанита и Ихнилата» по сравнению с его арабским прототипом. Причиной такого сокращения могло быть не только увеличение интереса к первому «рамочному» рассказу, но также и характер этих притч в оригинале. Многие из исключаемых новелл имели весьма фривольный характер и рассказывали (без особого осуждения) о женах, обманывающих своих мужей. В греческий текст (редакция А) не попала, например, новелла о неверной башмачнице и ее мстительном муже, искалечившем по ошибке другую женщину, о хитром рабе, надевшем плащ художника и проникшем к его любовнице, о старом купце, его жене и воре, о добром плотнике и его неверной жене (сюжеты эти были потом использованы европейской новеллистикой, в частности «Декамероном»).²⁴ Возможно, что исключение этих новелл объяснялось осторожностью греческого переводчика, не решавшегося предлагать византийским читателям (и прежде всего читателям из императорской фамилии и двора, при котором он служил) столь легкомысленное чтение.

Но если подбор отдельных новелл в «Стефаните и Ихнилате» был более скромным, чем в «Калиле и Димне», то трактовка основного сюжета в греческом варианте едва ли была лучше приспособлена к дидактическим целям, чем в арабском варианте. Уже в «Калиле и Димне» вставная глава о суде над Димной имела довольно двусмысленный характер:

²⁴ См.: Калила и Димна. Перевод с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина, под ред. И. Ю. Крачковского, изд. 2-е, М., 1957, стр. 85—88, 127—128, 171—172 и 173—174. Ср.: Боккаччо. Декамерон. VII, 8; III, 2; Th. Benfey. Panchatantra, T. I. Leipzig, 1854, стр. 140—147, 299—302, 366—368, 370—373.

на первый взгляд могло показаться, что речь шла о наказании порока и торжестве добродетели, но в действительности на первый план выдвигалась изобретательная самозащита Димны, и глава о суде рисовала «сложные взаимоотношения в человеческом обществе». ²⁵ Хитрый шакал цитировал Коран, остроумно высмеивал своих обвинителей. ²⁶

В греческом варианте черты святости в образе Ихнилата были еще усилены: отвечая обвинителям, шакал напоминал им евангельские слова о людях, которые не видят бревна в своем глазу и ищут сучок в очах ближнего, цитировал Библию. ²⁷ В славянском варианте аргументация Ихнилата была дополнена еще одним мотивом, тоже достаточно традиционным, — возражая матери льва, своей главной обвинительнице, шакал приводил один из излюбленных аргументов церковной литературы: «Нестъ лепо женамъ въ мужьские вещи выходити, ни мужу в женска. О горе тому мужу и дому его, идеже жена обладаеть!». ²⁸ Сюжет этот был настолько близок для древнерусской письменности, что составители одной из русских редакций не удержались от дальнейшего расширения этой аргументации, прибавив еще рассуждения о женах отравительницах, волшебницах и блудницах. ²⁹ Трудно сказать, какую цель преследовали старательные редакторы, вставляя эти поучения, но для читателя столь привычные слова, вложенные в уста заведомого преступника, явно теряли свой первоначальный смысл и рисовали лицемерие и цинизм героя.

Совсем мало учительным оказывался в «Стефаните и Ихнилате» и исход суда над Ихнилатом. В «Калиле и Димне» Димна, несмотря на остроумную защиту, был в конце концов уличен в преступлении. Против хитрого шакала, в соответствии с законом, выступали свидетели: леопард, слышавший беседу Калилы с Димной, во время которой Димна (еще до заточения) сознавался в том, что оклеветал быка, и некий зверь, подслушавший такой же разговор между обоими шакалами в тюрьме. «И собрались, таким образом, против Димны два свидетельства. Лев послал свидетелей к Димне, и они победили его, бросив ему в лицо те же речи». ³⁰ В греко-славянском варианте этой сцены уличения преступника не было — исход суда определялся исключительно настояниями матери льва: «Виде убо лев насилие матери своеа, повеле, да убьют Ихнилата». ³¹ Суд над Ихнилатом оказывался здесь на всем протяжении рассказа неправым судом; во время свидания со Стефанитом в тюрьме Ихнилат высказывал опасения, что Стефанит будет подвергнут пыткам и «исповедает» его

²⁵ G. Richter. Studien zur Geschichte der alteren arabischen Fürstenspiegel (Leipziger Semitische Studien, N. F., Bd. III), Leipzig, 1932, стр. 23—28. Точка зрения Рихтера представляется нам более справедливой, чем мнение исследователей, писавших до него и отмечавших только внешний смысл главы о суде над Димной — наказание преступника (ср.: Th. Benfey. Pantschatantra, T. I, стр. 298; Th. Nöldeke. Zu Kalla wa Dimna. — Ztschr. der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, B. 59, Leipzig, 1905, стр. 797; C. Brockelmann. Kalila wa Dimna. — Encyclopédie de l'Islam, t. II. Leyde—Paris, 1927, стр. 738). Т. Нёльдеке, впрочем, также указывал, что глава о суде над Димной обнаруживает «ловкость» хитрого шакала и что обвинение против него строится лишь на подслушанных разговорах (Th. Nöldeke. Burzöes Einleitung zu dem Buche Kalila wa Dimna. Schriften der Wissenschaftl. Gesellschaft in Straßburg, 12. Heft; Straßburg 1912, стр. 2, прим. 4).

²⁶ См.: Калила и Димна, стр. 125—127, 137—141.

²⁷ См.: S.—I., II, 60 и 66; Стефанит и Ихнилат (изд. А. Викторова). М., 1881 (ПДП, LXIV и LXXVIII), стр. 36, 37 и 39.

²⁸ Стефанит и Ихнилат (изд. А. Викторова), стр. 37.

²⁹ См.: Стефанит и Ихнилат (изд. Ф. Булгакова). СПб., 1887—1888 (ПДП, XVI и XXVII), стр. 43.

³⁰ Калила и Димна, стр. 142.

³¹ S.—I., II, 72; Стефанит и Ихнилат (изд. А. Викторова), стр. 43.

вину; испуганный и опечаленный Стефанит кончал жизнь самоубийством.³²

Латинское «Наставление человеческой жизни», восходящее к еврейскому переводу «Калилы и Димны» и ставшее основой многочисленных западных вариантов цикла, меньше отличалось от арабского оригинала, чем греко-славянская версия. Здесь сохранились все главы «Калилы и Димны», включая даже вводную (о том, как была найдена в Индии эта книга), и все вставные притчи — их количество, по-видимому, даже было увеличено в латинском переводе.³³ Ближе была к арабскому варианту и глава о суде над Димной: самоубийства Калилы здесь не было; вина Димны доказывалась в конце свидетельскими показаниями, и казнь его не была простым следствием дворцовых интриг. Но и в западной версии шакал обнаруживал явные черты христианского лицемера, вспоминая евангелие, и предостерегал льва от «совета злой жены».³⁴ Можно ли объяснить эти совпадения наличием какого-то особого общего источника между греческой и еврейско-латинской версией? ³⁵ Большинство исследователей считает, что у обеих версий был только один общий источник — арабская «Калила и Димна», где перечисленных мест не было.³⁶ Причиной совпадений между греко-славянской и западными версиями басенного цикла (во всяком случае, основной причиной) был, на наш взгляд, параллелизм в литературных традициях средневековых христианских источников: при определенных сюжетных положениях у них естественно возникали одни и те же привычные ассоциации. Характерно, например, что ссылка на евангельскую притчу о сучке и бревне в глазу была сделана в греческом и латинском текстах в разных местах: в «Стефаните и Ихнилате» хитрый шакал вспоминал эти слова, обличая своего обвинителя — царского повара; в «Наставлении человеческой жизни» они были вставлены внутрь рассказанной им притчи о двух женщинах, лишенных одежды и

³² См.: S.—I., II, 62—63; Стефанит и Ихнилат (изд. А. Викторова), стр. 38.

³³ См.: *Johannis de Capua Directorium vitae humanae...* publ. et annot. par J. Denbourg (Bibliothèque de l'École des Hautes Etudes, 72). Paris, 1887—1889, стр. 139—140 и 141—142 (в первой из этих притч упоминаются монахи-доминиканцы — ср.: там же, стр. XVII). Ср.: Th. Venfey. *Pantschatantra*, Th. I, стр. 309—310.

³⁴ *Johannis de Capua Directorium*, стр. 108, 112, 123.

³⁵ Два совпадения между греческим и латинским текстами дают как будто основание для такого предположения. В латинском «Наставлении», как и в «Стефаните и Ихнилате», хитрый шакал приводит слова из псалмов (VII, 10), что бог «испытывает тайны сердца» (*Johannis de Capua Directorium*, стр. 108; ср.: S.—I., II, 60; в известных нам арабских текстах этого места нет); и в латинском тексте, как и в греческом, Димна высказывает опасение, что Калила может быть подвергнут пытке и выдать его тайну (*Johannis de Capua Directorium*, стр. 116; ср.: S.—I., II, 62—63; в арабских текстах Димна тоже боится нестойкости друга, но упоминания о пытке здесь нет). К этим двум местам издатель латинского текста Ж. Деренбург сделал примечания, в которых в одном случае высказал предположение, что латинская редакция служила основой для Симеона Сета (*Johannis de Capua Directorium*, стр. 108, прим. 1), а в другом просто отметил совпадение латинского и греческого текстов, а также текста старониспанского перевода с арабского оригинала (там же, стр. 116, прим. 2). Мысль об общем источнике греческого варианта, еврейского оригинала латинского текста (на еврейском языке эта часть цикла не сохранилась) и старониспанского перевода была высказана также Ф. Гайслером в статье обзорного характера (*Dr. F. Geißler. Das Panchatantra, ein altindisches «Fabelbuch».* — *Wissenschaftliche Annalen*, 3 Jg., H. 11, Nov., 1954, стр. 666) без аргументации и ссылок на источник.

³⁶ Отмечая взаимосвязь старониспанского перевода и еврейского перевода, бывшего основой латинской версии, И. Хертель специально подчеркивал, что греческий перевод Сета восходит только к арабскому оригиналу (см.: J. Hertel. *Das Panchatantra. Seine Geschichte und Vorbereitung.* Leipzig—Berlin, 1914, стр. 363—366 и 401—402). Ср. также статью К. Брокельмана: C. Brockelmann, *Encyclopedie de l'Islam*, t. II, стр. 740—741.

бранивших друг друга за наготу.³⁷ Еще более характерны в этом отношении совпадения в дальнейших версиях «Стефанита и Ихнилата» и «Наставления человеческой жизни», сложившихся в разных европейских странах. Мы уже отмечали, что слова Ихнилата о недопустимости вменяемости жен в мужские дела появились не в греческой, а в славянской редакции «Стефанита и Ихнилата» — тем более любопытно наличие того же мотива в латинском тексте и дальнейшее развитие его в других западных версиях: немецкие книжники, подобно русским, развили женоненавистнические рассуждения шакала, добавив упоминание об Адаме, последовавшем совету жены и погубившем человеческий род.³⁸ Еще одну черту святошества лицемерного шакала внесли редакторы испанской версии цикла: здесь Димна, донося льву о мнимых преступлениях быка, ссылаясь на обязанность христианина сообщать обо всем своему исповеднику.³⁹

Главу о суде в греко-славянском «Стефаните и Ихнилате» можно сопоставить не только с параллельным текстом в западных версиях «Калилы и Димны». Сказание о животных в греческой и особенно в славянской версии в значительной степени утратило свой «рамочный» характер — рассказ о льве, быке и двух шакалах потеснил другие рассказы, но взамен этого читатели получили развернутое повествование о хитром звере; недаром в русской письменной традиции памятник этот стал именоваться просто «Ихнилатом» и рассматривался как «книжица мала, нарицаема Ихнилат», содержащая «баснословия». Эта роль, выпавшая на долю «Стефанита и Ихнилата» в русской и южнославянских литературах, дает полное основание сопоставить его с популярнейшим памятником животного эпоса в Западной Европе — «Романом о Лисе». Совпадения между западноевропейскими сказаниями о Лисе и восточными сказаниями о шакале, отразившимися в «Панчатантре» и «Калиле и Димне», отмечались в научной литературе уже давно; особенно привлекало внимание сходство между сценой суда над шакалом в индо-арабском эпосе и рассказом «Романа о Лисе» (особой «ветвью» этого романа) о суде над Лисом.⁴⁰ Однако уже во второй половине XIX в. исследователи отвергли мысль о прямой зависимости «Романа о Лисе» от «Панчатантры» и «Калилы и Димны»: латинское «Наставление человеческой жизни» было переведено с еврейского оригинала в конце XIII в., а «Роман о Лисе» (и в частности его «ветвь о суде») существовал уже в конце XII в.⁴¹ Возникшие, по-видимому, на каких-то общих фольклорных основах (сказки о животных), восточные сказания о шакале и западный «Роман о Лисе» развивались вполне самостоятельно. Но тем более заслуживают внимания вторичные совпадения, обнаруживающиеся между сюжетами этих памятников.

Сходство между сценой суда в «Романе о Лисе» и во всех версиях «Калилы и Димны» выражается в том, что судьей выступает Лев, что

³⁷ См.: S.—I., II, 66; *Johannis de Capua Directorium*, стр. 123.

³⁸ *Das Buch der Beispiele der alten Weisen...* Herausgeg. v. W. L. Holland. Stuttgart (Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart, LVI), 1860, стр. 69.

³⁹ См.: *Johannes de Capua Directorium*, стр. 63, прим. 5; там же, стр. XVII.

⁴⁰ Ср.: A. C. Robert. *Fables inédites des XII, XIII, XIV siècles*, I. Paris, 1825, стр. CXXIII; Th. Benfey. *Pantschatantra*, Th. I, стр. 299; Gh. Potvin. *De Roman du Renard*. Bruxelles, 1861, стр. 44—45, 57—58.

⁴¹ См.: L. Sudre. *Les sources du Roman de Renart*. Paris, 1893, стр. 63—66, 121—123. Историография вопроса см.: Л. Колмачевский. *Животный эпос на западе и у славян*. Казань, 1882, стр. 1—55; John Flinn. *Le Roman de Renart dans la littérature française et dans le littératures étrangères au Moyen Age*. University of Toronto Press, 1963, стр. 7—34. Ср. также: A. Graf. *Die Grundlagen des Reineke Fuchs*. Helsinki, 1920 (Folklore Fellows Communications), № 38, стр. 5—8.

призванный на суд Лис, как и Димна—Ихниллат, держится вызывающе, осмеивает обвинителей, призывает бога в свидетели своей невинности и отвергает все обвинения. Но с греко-славянской версией западный роман оказывается сходным и в трактовке самого суда. Как мы уже отмечали, в «Каиле и Димне» и ее западных вариантах вовсе не подчеркивалась несправедливость суда над шакалом; тема эта характерна именно для греко-славянской версии. Так же несправедлив и суд льва в «Романе о Лисе». Правда, в «Стефаните и Ихниллате» дело кончается осуждением Ихниллата, между тем как его западный двойник Ренар выходит сухим из воды; но исход в обоих случаях определяет не справедливый разбор дела, а интриги и вмешательство придворных.⁴²

Сходство сатирического животного эпоса в Западной и Восточной Европе объяснялось не генетическими связями, а параллельностью литературных явлений. В обеих частях средневековой Европы люди отлично знали, что такое феодальный суд, к каким аргументам прибегали на этом суде изворотливые ответчики, от чего зависел исход дела. Именно поэтому автор нидерландской версии романа о Лисе—«Reinaert de Vos», поэт XIII в. Виллем и его нидерландские и английские последователи (несомненно никогда не читавшие «Стефанита и Ихниллата») заставляли лиса Рейнерта доказывать свою невинность и ссылаться на божье всеведение почти в тех же словах, какие говорил Ихниллат, и так же, как в греко-славянском романе, приписывали главную роль в исходе суда над героем царице-львице (в данном случае — жене царя).⁴³

Сходство «Стефанита и Ихниллата» с «Романом о Лисе» еще лучше помогает понять функцию этого басенного цикла в славянской литературе. Сатира в Восточной Европе и особенно в славянских странах была в средние века развита гораздо слабее, чем в Западной Европе.⁴⁴ Элементы дидактической сатиры мы встречаем в древнерусском «Молении Даниила Заточника», в «Слове о хмеле», в южнославянских «Муках блаженного Гроздия» (черты пародирования жития святых, обнаруживаемые в этом «мучении» виноградной лозы, сближают его с такими пародийными памятниками русской литературы XVII в., как «Поп Савва» или «Повесть о бражнике»). Миниатюрные сатирические зарисовки сохранились и в летописях XV в. — такие, например, как запись о воеводе

⁴² Во французском «Романе о Лисе» Ренар подвергается суду дважды и оба раза избегает казни. См.: Le Roman de Renart vol. I. Publ. par E. Martin, Strasbourg, 1882, стр. 36—40 (I, 1279—1422) и 234—240 (VI, 1344—1542); в более раннем издании Мэона (Le Roman de Renart, vol. I—IV. Publié... par D. M. Meon, Paris, 1826) этому соответствуют строки 11021—11168 и 15078—15294.

⁴³ См.: Reinaert. Willems Gedicht Van der Vos Reinerde und die Umarbeitung und Fortsetzung Reinaerts Historie. Herausgeg. und erläut. v. E. Martin. Paderborn. 1874, стр. 54—56, 76—77, 153—155, 225. В «Романе о Ренаре» ссылки Ренара на бога и святых значительно короче (изд. Martin, I, 1213—1278; V, 63—64; Мэон, 10943—11016, 13621—13622). Ср.: The History of Reynard the Fox translated and printed by William Saxton in 1481. Ed. by D. B. Sands, Harvard, 1960, XIII (стр. 77—78), XVI (стр. 85) и XXVIII (стр. 122). В немецкой версии «Reinke Voss» (1498), восходящей к нидерландской поэме Виллема, ссылки Рейнеке на бога были опущены (Reynke Voss. Bremen, 1922, стр. 70); ит их в обработке Гете.

⁴⁴ Не касаясь здесь вопроса о развитии сатиры в византийской литературе в целом, отметим только сатирические басни о животных (В. С. Шандровская: 1) Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.). — Византийский временник, т. IX, М., 1956, стр. 211—249; 2) Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.). Художественные особенности и язык памятника. — Византийский временник, т. X, М., 1956, стр. 181—194; ср.: К. Г у н б а с е г. Geschichte der Byzantinischer Litteratur. 2-te Auflage, München, 1897, стр. 877—884); собственно сатирический элемент представлен в этих баснях гораздо слабее, чем в западных сказаниях о Лисе или в «Стефаните и Ихниллате» (авторы высмеивают главным образом иноверцев и не затрагивают вопросов суда и управления в Византии).

взяточнике Семене Беклемишеве.⁴⁵ Но подлинно художественное изображение пристрастного феодального суда появляется в древнерусской литературе значительно позже — в XVII в. («Шемякин суд», «Повесть о Ерше»). Тем более сильное впечатление должна была производить на читателей XV в. яркая картина такого суда, данная (хотя бы и на примере «звериного царства») в «Стефаните и Ихнилате».

Разбирая «мировые сюжеты» средневековой беллетристики, исследователи по-разному объясняют существование их в литературах различных народов. Для литературоведов такие сюжеты чаще всего служат свидетельством взаимных культурных влияний; этнологи видят в совпадении мотивов (особенно фольклорных) следы сходных явлений в быту и обрядах доклассового общества. Очень определенно различал эти два источника близости между литературами А. Н. Веселовский. Соглашаясь с тем, что мотивы, как «простейшие повествовательные единицы» на древнейших стадиях человеческого развития «могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» — «при сходстве бытовых и психологических условий», он указывал, что сходные комбинации таких мотивов (особенно сложные комбинации) в сюжетах едва ли могли возникнуть спонтанно у разных народов — здесь необходимо ставить вопрос о «заимствовании в историческую пору сюжета, сложившегося у одной народности, другою».⁴⁶

Такое противопоставление генезиса мотивов дальнейшему развитию сюжетов недавно вызвало возражения со стороны В. Б. Шкловского. Отметив, что «совпадение сюжетов встречается и там, где нельзя предполагать заимствования», В. Б. Шкловский высказал мнение, что сходство коллизий в сюжетах разных литератур может объясняться не заимствованием и не случайными совпадениями, а наличием общих «законов эстетических сцеплений, которые обуславливаются основными жизненными связями».⁴⁷

«Законы эстетических сцеплений» (и закономерности развития сюжетов), о которых говорил В. Б. Шкловский, чрезвычайно мало изучены в литературоведческой науке. Не исследован и вопрос о причинах появления сходных сюжетных коллизий в уже развитых сюжетах, бытующих в разных национальных литературах.

Сопоставление сюжетов романа об Александре и цикла басен о животных в литературах Восточной и Западной Европы дает некоторый материал для решения этого вопроса. «Стефанит и Ихнилат» восходит к индо-арабскому эпосу, основанному на широко распространенных в мировом фольклоре сказках о животных; сербская Александрия основывалась на легендарно-историческом повествовании, в свою очередь впитавшем многие фольклорные мотивы. При переходе этих памятников на греко-славянскую почву в них появлялись новые коллизии, отсутствовавшие в западноевропейских версиях тех же сюжетов, но знакомые западной средневековой литературе по другим сюжетам. Лирические мотивы греко-славянской Александрии, усиление сатирических мотивов в «Стефаните и Ихнилате» — все это отвечало идеологическим и эстетическим потребностям читателей Восточной Европы и заполняло важные пробелы в литературах южных и восточных славян.

⁴⁵ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 278.

⁴⁶ А. Н. Веселовский, Собр. соч., т. II, вып. 1, СПб., 1913, стр. 11—12.

⁴⁷ В. Шкловский. Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1961, стр. 101—103.